

МИФ О ТАНГУНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обозначены основные этапы формирования корейской идентичности и показана роль представления о Тангуне на каждом из них. Идея «прародителя Тангуна» постоянно претерпевала изменения, но при этом она оставалась неотъемлемым компонентом этнического самосознания. Особый интерес к образу Тангуна проявлялся в критических ситуациях – в условиях борьбы с иноземными захватчиками, в периоды социально-экономической нестабильности. Постепенно идея «прародителя Тангуна» укреплялась в сознании корейского народа, а в начале XX в. заняла в нем лидирующую позицию.

Ключевые слова: этническая идентичность; корейская идентичность; Тангун; миф о Тангуне.

Сегодня, в эпоху глобализации, когда стираются национальные границы, культуры унифицируются и все способствует свободе передвижения капиталов, товаров, знаний, технологий и самих людей, проблема сохранения и поддержания этнической идентичности встает все более остро. На Корейском полуострове эта проблема также присутствует в полной мере, при этом там она имеет специфические характеристики, обусловленные разделением некогда единого этноса.

Формирование корейской идентичности, исследованию которой посвящена данная статья, произошло на протяжении всей истории Корейского полуострова, на каждом историческом этапе она не оставалась неизменной, ее развитие всегда шло через конфликт между традиционными ценностями прошлого и принятыми ценностями настоящего. И на сегодняшний день корейская идентичность также определяется через спор между силами, которые стремятся сохранить традиционные ценности и идеи, и «глобальными» силами, которые появились в связи с новыми социальными изменениями, привнесенными глобализацией [1].

Объектом данного исследования является корейская идентичность, рассмотрение которой представляется невозможным вне ее связи с историческим и культурным контекстом. Предмет исследования – миф о Тангуне, а также представления, связанные с Тангуном на различных этапах корейской истории. Этот миф содержит в себе рассказ о появлении первого корейского государства, это своего рода рассказ о «корнях» Кореи. Мы поставили цель проанализировать роль этого мифа на различных этапах существования корейской идентичности.

Вопросы, связанные с содержанием таких понятий, как «этнос», «этничность», постоянно находятся в центре внимания ученых, а в последнее время и не только, так как эта проблематика стала особенно активно обсуждаться и в СМИ, единого их определения не выработано, и вряд ли это будет когда-либо возможно. Выделяют различные направления, нам же представляется важным для получения полной картины об этносе использовать синтез примордиалистского и конструктивистского подходов. То есть мы придерживаемся той точки зрения, что в формировании и трансформации этноса можно проследить как естественно-исторические причины, так и влияние со стороны политических лидеров, интеллектуальной эли-

ты, социальной ситуации в целом, что соответствует взглядам конструктивистов.

В той или иной степени в работах этнологов в качестве признака этноса выделяется этническое самосознание. Так, в сформулированном С.М. Широкогоровым определении этноса отмечается важность признания единства происхождения, наличия комплекса обычаев, уклада жизни, которые бы отличали данную группу людей от другой. В определении Ю.В. Бромлея также отводится особая роль осознанию единства и отличию одних общностей от других. Таким образом, этничность в работах конструктивистов может соотноситься с пониманием этнического самосознания в рамках исторического подхода примордиалистов.

Отметим, что в теоретических этнологических работах используется многообразие терминов, которые интерпретируются каждым автором в соответствии с тем направлением, к которому он принадлежит. В данной статье этническая идентичность, как осознание принадлежности к определенному этносу и соответствие с ним, будет использоваться как синоним этнического самосознания.

Кроме того, этническое самосознание само по себе многокомпонентно, центральное место в нем занимает представление об общности происхождения и исторических судеб. Еще Ю.В. Бромлей отмечал важность представления об общности происхождения от одного предка (в том числе и мифологического) в этническом самосознании. Но это не означает, что только на первом этапе становления этноса мифологические представления играют важную роль. В современном мире они также продолжают оказывать влияние на жизнь людей, хотя сейчас, конечно, их функция не так прозрачна. В рамках культуры мифы представляют самый ранний способ выражения образного мышления, они «колыбель» для любой национальной литературы. В рамках истории их можно рассматривать как отправную точку человеческой цивилизации.

В корейской мифологии сложилась группа мифов, называемая «мифами об основателях государств». В них повествуется о первых правителях, их необычном рождении и основании ими государств. Среди таких мифов особое место занимает миф о Тангуне. В настоящее время каждый кореец хорошо знаком с этим мифом, и, как отмечают многие исследователи, гордится тем, что является его потомком. В этом чув-

стве гордости за свое происхождение проявляется общенациональное самосознание [2].

Вопрос об этапах формирования корейской идентичности не однозначен. «Пробуждение» корейского национального духа принято связывать с событиями конца XIX – начала XX в., т.е. с периодом, когда на Корейском полуострове традиционное китайской влияние сменяется усилением влияния западных стран и Японии, а также вследствие японской оккупации. Таким образом, агрессивная политика других стран по отношению к Корее, реальная угроза ассимиляции Кореи Японией стали мощным толчком в развитии этнического самосознания. «Корейский национализм» формируется в результате сопротивления внешней агрессии и в период становления государства Нового времени [3. С. 120]. Можно ли говорить, что единое национальное самосознание внезапно складывается только в этот период? Логичным представляется, что его формирование шло длительное время и охватывает историю существования государственности на Корейском полуострове.

В отечественной литературе вопросы самосознания корейского народа не разработаны в полной мере. Есть подробное исследование корейской идентичности только в раннефеодальную эпоху, проведенное Р.Ш. Джарылгасиновой. В нем она раскрыла самосознание народов когурё, пэкче и силла, выделив в структуре этнического самосознания этих этносов представление об общности происхождения, выраженное в мифологической форме (у когурё – миф о Чхумо-ване, у пэкче – об Онджо-ване, у силла – о Пак Хёккесе), а также представление о «родной земле», осознание ценности своей культуры. Также ею подчеркивалось особое отношение к Китаю и его культуре, которое выражалось в таком аспекте этнополитической идеологии и самосознания, как «компонент сопряженности – отстраненности». Как отмечает Р.Ш. Джарылгасинова, «в сопряженности с древнекитайской культурой возможно более сильным было отталкивание, отстраненность, через утверждение своей самобытности» [4. С. 23]. Кроме того, ею отмечена иерархичность этнических общностей и их самосознания, так как помимо существования в IV–VII вв. самосознаний «молодых этносов», было еще «самосознания этнической общности более высокого таксономического уровня», в основе которого лежали культы Неба и Земли [Там же. С. 25].

Рассмотрим, какие периоды в формировании корейской идентичности выделяют южнокорейские исследователи.

Син Ёнха приводит следующее определение нации: «Нация – вид исторически сложившегося объединения людей, для которого характерны языковая общность, общность территории, кровное родство, общность культуры, политическая, экономическая и историческая общность – все это воспринимается в качестве объективных составляющих нации, на основе которых строится ее субъективный элемент – национальное сознание» [5. С. 152]. Формирование корейской нации он рассматривает как длительный процесс, в котором можно выделить следующие пе-

риоды: *вонминджок* – «протокорейская нация» (원민족), *чонгындэминджок* – нация, которая предшествовала Новому времени (전근대민족), и *кындэминджок* – «нация Нового времени» (근대민족), формирование которой происходило в период движения *кэхва ундон*. Обозначим кратко основания, которые выделяет автор для характеристики этих этапов. Складывание протокорейской нации он связывает с объединением племен хан, мэк и е в период с 3–2,4 тыс. лет до н.э. по II в. до н.э. Для этого объединения были характерны политическая общность в рамках государства Древний Чосон, языковая общность, общая культура (одежда, пища, жилище) и общая вера. Формирование нации, предшествовавшей Новому времени, прошло несколько этапов. Так, в период образования Махан, Чинхан, Пёнхан, Когурё, Пэкче, Силла, Кара, Тамна и др. наследуются традиции «протокорейской нации» Древнего Чосона и складываются основы новой формы нации. Следующий этап – это 669 г., когда происходит начальное объединение под властью Силла, а окончательное завершение этого процесса приходится на 918 г. под властью Корё [5. С. 180].

Ким Тхэхи обоснованно пишет о невозможности применять понятие «нация» к периоду, предшествовавшему Новому времени. Хотя отрицать наличие существовавшего в сознании населения Корейского полуострова представления «свой – чужой» нельзя. Для обозначения «предыстории корейского национализма», т.е. периода, охватывающего последние годы существования государства Корё и период существования государства Чосон, он использует термин *тонин ыйсик* (동인의식). Выбор этого термина для обозначения корейского сознания того периода Ким Тхэхи объясняет тем, что для того времени характерно использование слова *тонин* в значении современных терминов: *ханминджок* – корейская нация (한민족), *хангукин* – кореец (한국인).

В отличие от Син Ёнха Ким Тхэхи отрицает существование более ранней формы единого «корейского самосознания», которое предшествовало бы *тонин ыйсик*, указывая на то, что последнее занимает свое место после монгольских завоевательных походов и исчезновения представление о «разделенной исторической преемственности Трех государств» [Там же].

Одной из форм выражения самосознания может быть летописание. Именно его Ким Гибон определяет в качестве основания для выделения различных этапов корейской идентичности. Он указывает на непосредственную связь между «корейской идентичностью» и корейской историей. При этом первая выступает как составная часть последней. На протяжении всей истории Кореи люди записывали историю, в которой по-своему давался ответ на вопрос, кто есть корейцы. Поэтому в качестве основного источника для изучения корейской идентичности Ким Гибон выделяет именно исторические описания и в соответствии с этим акцентирует внимание на идентичности, которую определяла официальная королевская история, на корейской национальной идентичности, основанной на национальной истории

Нового времени, и на республиканской гражданской идентичности мультикультурного общества [6]. С точки зрения Ким Гиона, ошибочно утверждать, что корейцы как народ существовали с периода Трех государств. Представление о единых корнях Когурё, Пэкче и Силла формируется только после их объединения под властью Силла. В это время появляется представление *ильтхонсамхан* – «единство трех хан» (일통삼한), что стало «отправным пунктом» в формировании корейской истории во главе с Силла [Там же. С. 154]. Кроме того, он отмечает, что такая категория, как «период Трех государств» (삼국시대 *самгук сидэ*), была создана с целью закрепления исторической идентичности Корё.

Исследователь истории корейского национально-объединительного движения Чон Ёнхун выделяет в нем три этапа, которые тесно связаны с определенными этапами формирования нации. В работах Чон Ёнхуна можно найти выделение следующих этапов: *чонгындэмиджосок* – «нация, предшествовавшая Новому времени» (전근대민족). Для этого периода главной задачей было создание и сохранение единого государства (Тонгук, Чосон) и культурной идентичности. *Кындэдджосок минджосок* – «нация Нового времени» (근대적 민족), в это время стояли задачи по преодолению таких характерных для Средневековья явлений разобщенности, как социальное положение, знатность, регионализм, а также вопрос о построении единой национальной идентичности Нового времени. Задачей движений после Первомартовского движения стало преодоление конфликтов между классами и построение единого национального государства, в котором бы были экономическое равенство и счастье [7. С. 295–296].

Рассмотрев точки зрения южнокорейских исследователей относительно формирования корейской идентичности (национальной идентичности или этнического самосознания), можно убедиться в том, что многие сходятся во мнении, что период ее формирования соотносится с Новым временем. Однако не опровергается и утверждение, что до этого времени, по крайней мере с конца периода Корё и начала Чосон (а у некоторых исследователей и намного раньше), у населения Корейского полуострова существовала особая форма единого этнического самосознания.

В связи с рассмотрением этапов формирования корейского самосознания возникает вопрос о роли мифа о Тангуне (более широко – представления о Тангуне) на каждом из выделенных этапов.

Предание о Тангуне дошло до нас в записи «Самгук юса» (1285 г.). Однако считается, что этот миф имеет длительную устную традицию. Син Ёнха, выделяя в истории формирования корейской нации этап «протокорейской нации», отмечает, что в это время была «общность веры». Племя хан поклонялось солнцу, в племенах мэк и е тотемами были соответственно медведь и тигр. После образования Древнего Чосона эти верования сохранились, а также появилось общее «поклонение Тангуну». Син Ёнха ссылается на Пак Ёнсика, который в качестве религии Древнего Чосона выделяет *самсингё* (삼신교 三神敎), т.е. веру в Хва-

нина, Хвануна и Тангуна, и *сингё* (신교 神敎), т.е. веру в Тангуна. Таким образом, общим для этого этапа является поклонение Тангуну, который в разных диалектах назывался *Тангун* (단군), *Тангуль* (단굴), *Тангу* (단구) [5. С. 159]. Кроме того, на основе представлений о Тангуне сформировалось представление *чхонсон* (천손 天孫), т.е. представление корейцев о себе как «потомках Неба».

На следующем этапе развития «корейского самосознания» происходят заметные изменения в «общности верований». К этому времени проникают буддизм и конфуцианство, а вера в Тангуна, характерная для «корейской протонации», сохраняется преимущественно в народе. И если в «протокорейской нации» господствовавшей были вера *самсингё* и вера в Тангуна, то в «нации, предшествовавшей Новому времени», наметился, по словам Син Ёнха, «религиозный плюрализм», выражением которого были буддизм, конфуцианство, вера в Тангуна [Там же. С. 186].

Р.Ш. Джарылгасинова также указывает на то, что в VII–XIV вв. роль этнообъединяющего и этнообразующего фактора, способствовавшего складыванию корейского этноса, начинает играть буддизм, который в это время занимает место древних культов Неба и Земли [4. С. 26]. Важно, как нам кажется, что и в начале XX в. в росте национального духа, а значит, и национального самосознания, важную роль играло воспринятое извне христианство (см., например, [8]). Таким образом, можно выделить такую особенность в формировании корейского самосознания, как значимость религиозного фактора в качестве этноконсолидирующего начала.

Как было отмечено выше, первые записи мифа о Тангуне соотносятся с XIII в. В это время предание о Тангуне было записано в «Самгук юса» (1285 г.) и в «Чеван унги» (1287 г.). Несмотря на то что эти два источника были созданы почти одновременно, в них имеется ряд отличий. Части мифа, в которых рассказывается о том, как Хванун спустился с небес на землю, и о том, как Тангун стал горным духом, совпадают. Однако части, в которых действия разворачиваются на земле, разнятся. В «Чеван унги» нет упоминаний о медведе, который потом стал женщиной. Здесь матерью основателя выступает внучка Хвануна, а отцом – божество березы. Таким образом, иначе представляется связь Тангуна с Небесным божеством: если в «Самгук юса» она проходила по линии отца, то в «Чеван унги» – по линии матери.

По мнению некоторых ученых, среди которых и Ким Тхэххи, формирование корейского этнического самосознания перед Новым временем, и «воспоминание» мифа о Тангуне связаны именно с военными походами монголов и воцарением в Китае монгольской династии Юань. Однако И Икчу, анализируя историческую ситуацию времени, когда был записан этот миф, приходит к выводу о том, что к тому моменту не сложилось отрицательного отношения к монгольской династии, а следовательно, оно не могло стать той причиной, которая бы побудила записать миф о Тангуне. Ситуацию, в которой происходит запись мифа, он описывает следующим образом:

«Корё в результате длительных войн вышла из опасности оказаться быть включенной в монгольские земли, и, сохраняя королевскую династию, ей удалось установить отношения “преклонение перед великой державой” с монгольской династией. В это же время, после 100 лет военной диктатуры, была восстановлена королевская власть. Дальнейшей целью было сохранить существование королевской династии в условиях отношений “сюзерен – вассал”, уменьшить вмешательство династии Юань. И одним из способов было подчеркивание отличной от Китая “точки отсчета” истории» [9. С. 57].

В любом случае представление о Тангуне пре-кращает свое существование в качестве простого местного верования и начинает приобретать политический смысл, а фактически становится одной из основ самосознания того периода. Подтверждением того, что в то время миф о Тангуне не был забыт и активно использовался, могут служить упоминания о проводившихся церемониях жертвоприношений ду-

ху Тангуна, а также строительство в конце XIV в. храма в его честь.

В конце XIX – начале XX в. представление о Тангуне актуализируется. Период Чосон Тангуна включается в учебники по истории, идея возрождения национального духа также была очень тесно связана с мифом о Тангуне. В 1909 г. создается религия *тэджонгё* (до 1910 г. она носила название *тангунгё*), ключевым элементом которой было именно почитание Тангуна.

Рассмотрев этапы формирования корейского самосознания, а также роль в них идеи «прародителя Тангуна», мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на то что этот сюжет постоянно претерпевал изменения, он оставался неотъемлемым компонентом этнического самосознания. Особый интерес к образу Тангуна проявлялся в критических ситуациях – в условиях борьбы с иноземными захватчиками, в периоды социально-экономической нестабильности. Постепенно идея «прародителя Тангуна» все глубже укреплялась в сознании корейского народа, а в начале XX в. она заняла в нем лидирующую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *So Kyunghee, Kim Jungyun, Lee Sunyoung*. The formation of the South Korean identity through national curriculum in the South Korean historical context: Conflicts and challenges // *International Journal of Educational Development*. 2012. Vol. 32.
2. *Хаксу Ю.* Мифологическая и празднично-обрядовая лексика как составная этнического самосознания корейцев // *Календарно-праздничная культура народов зарубежной Азии: традиции и инновации*. 1997. С. 198–204.
3. *Ким Тхэхи* Кындэ иджон сизи 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» накануне Нового времени и его изменение) // *Ханминджок ёнгу*. 2009. Вып. 8. С. 119–143.
4. *Джарыласинова Р.Ш.* Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.
5. *Син Ёнха* Хангук «воинминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей Новому времени») // *Сахве-ва ёкса*. 2010. Вып. 88. С. 151–194.
6. *Ким Гибон* Ёкса-ый коур-е пичхво пон хангукин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) // *Хангуксахаксахакбо*. 2010. Вып. 21. С. 149–170.
7. *Чон Ёнхун* Минджоктхонильундон-гва тангунминджокджуый (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // *Ко Чосон Тангунхак*. 2004. Вып. 11. С. 271–301.
8. *Тягай Г.Д., Пак В.П.* Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М. : Вост. лит., 1996. 231 с.
9. *И Икчу* Корё хуги тангунсинхва кирок-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне в последний период Корё) // *Мунмёнёнджи*. 2003. Вып. 4, № 2. С. 47–57.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2015 г.

THE DANGUN MYTH AS A FACTOR OF KOREAN NATIONAL IDENTITY FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 122–126. DOI: 10.17223/15617793/398/20

Noskova Natalia G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: noskovanatalia@inbox.ru

Keywords: ethnic identity; Korean national identity; Dangun; Dangun myth.

The article is devoted to Korean national identity formation. Based on the analysis of the opinions of South Korean researchers on this process, the major stages of Korean national identity formation were shown and main problems were pointed out. Shin Yong-Ha views the development of the Korean nation as a long process that had stages of proto-nation, pre-modern nation and modern nation. Kim Tae-Heui associates the formation of common national consciousness with the late Goryeo Dynasty, when "Dongin-consciousness" was formed. Kim Gi-Bong takes the view that history and historical chronicles can be used as one of the sources to define the Korean identity. As he noted, in each period of history people wrote their own version of Korean history, by analyzing these versions we can try to understand their idea of who Koreans are. Jeong Young-Hun, the researcher of the National integration movement in Korea, supposes that the Integration movement had developed in three stages, which were closely related to the stages of the Korean nation development. Thus, many researchers agree that the period of the formation of the Korean national consciousness is related to Modern history. However, the statement that there was a special form of a common ethnic identity of the population of the Korean Peninsula in the Late Goryeo period and Early Joseon period is not disproved. The role of the idea of Dangun on each stage of the Korean identity existence also was observed in this article. Shin Yong-Ha showed that on the stage of proto-nation there was the worship of Dangun. The author of the article pointed out one of the features of the Korean consciousness development. This feature is an importance of the religious factor in national consolidation. The earliest documented records of the myth of Dangun are found in *Samguk Yusa* (1285). According to some scholars, the formation of the Korean identity and the recall of the Dangun myth in that time was a result of the fight against strong foreign power such as the Mongol Empire. From that time the idea of Dangun is not only a local belief anymore, but also has a political meaning and is a base and main part of the Korean consciousness. By the beginning of the 20th century this idea gained the leading position in the Korean national identity. In this way the idea that Dangun is the Korean's common ancestor underwent some changes, but always was an integral part of Korean consciousness. The particular inter-

est in Dangun was manifested in critical situations, such as a fight against foreign invaders or periods of socio-economic instability. The idea that Dangun is the Korean's common ancestor became gradually stronger in the consciousness of the Korean people.

REFERENCES

1. So Kyunghee, Kim Jungyun & Lee Sunyoung. (2012) The formation of the South Korean identity through national curriculum in the South Korean historical context: Conflicts and challenges // *International Journal of Educational Development*. 11. 32(6). pp. 797–804. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2011.11.005
2. Khaksu, Yu. (1997) Mifologicheskaya i prazdnichno-obryadovaya leksika kak sostavnaya etnicheskogo samosoznaniya koreytsev [Mythological and festive ritual vocabulary as part of ethnic identity of Koreans]. In: Sedlovskaya, A.N. (ed.) *Kalendarno-prazdnichnaya kul'tura narodov zarubezhnoy Azii: traditsii i innovatsii* [Calendar, festive culture of the peoples of foreign Asia: tradition and innovation]. Moscow: RAS Institute of Ethnology and Anthropology.
3. Kim, Tkhehhi. (2009) Kynde idzhon sigi 'tonin' yysik-yy kudzho-va penchkhon (Struktura "tonin yysik" nakanune Novogo vremeni i ego izmenenie) [Structure "Tonin yysik" on the eve of the New Age and its change]. *Khanmindzhok engu*. 8. pp. 119–143.
4. Dzharlygasinova, R.Sh. (1986) *Etnicheskoe samosoznanie koreytsev v rannefeodal'nyu epokhu* [Ethnic consciousness of Koreans in the early feudal era]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
5. Sin Enkha. (2010) Khanguk "vonmindzhok" khenson-gva "chongyndemindzhok" khenson [Formation of Korean "protonation" and "nation" which preceded the New Era]. *Sakhveva eksa*. 88. pp. 151–194.
6. Kim Gibon. (2010) Eksa-yy kour-e pichkhvo pon khangukin chonchkheson (Identichnost' koreytsev v zerkale istorii) [The identity of the Koreans in the Mirror of History]. *Khanguksakhaksakhakbo*. 21. pp. 149–170.
7. Chon Enkhun. (2004) Mindzhoktkhonil'undon-gva tangunmindzhokdzhuyy [National Movement for the unification and nationalism Dangun]. *Ko Choson Tangunkhak*. 11. pp. 271–301.
8. Tyagay, G.D. & Pak V.P. (1996) *Natsional'naya ideya i prosvetitel'stvo v Koree v nachale XX v.* [The national idea and enlightenment in Korea at the beginning of the 20th century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
9. Ilkchu. (2003) Kore khugi tangunsinkhva kirok-yy sidedzhok pegen [Description of the historical situation when the recordings were made of the Dangun myth of the last period of Koryo]. *Munmen"endzhi*. 4 (2). pp. 47–57.

Received: 24 January 2015